

РЕЦЕНЗИИ

УДК: 327.39 / .82 [(5-15)+(470+571). (049.32)

**РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В ОЦЕНКАХ
И ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОГО БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО ВЕКТОРА РФ:**

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТАТЕЙ

(БЛИЖНИЙ ВОСТОК, АРАБСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ И РОССИЯ:

ЧТО ДАЛЬШЕ? / ОТВ РЕД-РЫ В.В. НАУМКИН, В.В. ПОПОВ,

В.А. КУЗНЕЦОВ / ИВ РАН; ФАК-Т МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И ИСАА МГУ

ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА. М.: ИВ РАН, 2012. – 593 С.)

Близняков Р. А.¹, Щевелев С. С.²

¹ЮФ НУБип Украины «КАТУ». E-mail: bliznyakov80@mail.ru

²ТНУ им В. И. Вернадского. E-mail: p.shevelev.s.s@gmail.com

Первой попыткой на постсоветском пространстве осмыслить начавшуюся «Арабскую весну» стал сборник статей «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?» В статьях рецензируемого издания рассматриваются массовые протестные и повстанческие движения на арабском Востоке в 2011 – 2012 годах, а также вызванная ими коренная трансформация арабских обществ. Эти метаморфозы затрагивают интересы не только государств региона, но и глобальных игроков, демонстрируя новые тренды в мировой системе международных отношений в целом. Сборник – плод совместной работы видных ученых и дипломатов, представляющих ведущие центры академического, образовательного и прикладного востоковедения. В своих статьях авторы демонстрируют всю палитру взглядов на феномен Арабского пробуждения, существующих в отечественном экспертном сообществе. В сборник также включена статья известного тунисского аналитика, Лажми Нури (научного сотрудника Института прессы и наук об информации), придающая работе особый колорит и, отчасти, взгляд на проблематику из беспокойного региона.

Ключевые слова: «Арабское пробуждение», «Арабская весна», Ближний Восток, Российская Федерация. Персоналии: Дмитрий Медведев, Виталий Наумкин, Евгений Примаков, Ирина Звягельская.

История стран Азии и Африки знала много драматических эпизодов в новое и новейшее время. Европоцентристский мир был реальностью последних столетий. Колониальная Азия пережила эпоху Пробуждения. Но – похоже – этот термин имеет свое перевоплощение и будет применим к Новейшему периоду истории арабских стран, имея другие временные и локально-географические рамки. Современность принесла арабскому миру новое пробуждение. Именно этому феномену посвящен

сборник статей ведущих российских и зарубежных ученых «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше?»

Современную Россию, выходящую из постсоветского кризиса и пытающуюся позиционировать себя, если не как великую, то, как минимум, региональную державу, по мнению академика Е. М. Примакова не может не интересовать Ближневосточный регион – подбрюшье России. Новые вызовы и угрозы заставляют пристально следить за событиями и трансформациями на Ближнем Востоке российский политикум, журналистские круги и научно-аналитическую общественность.

Первой попыткой осмыслить начавшуюся «Арабскую весну» стал сборник статей «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?» [1]. В статьях, рецензируемого издания, рассматриваются массовые протестные и повстанческие движения на арабском Востоке в 2011 – 2012 годах, а также вызванная ими коренная трансформация арабских обществ. Эти метаморфозы затрагивают интересы не только государств региона, но и глобальных игроков, демонстрируя новые тренды в мировой системе международных отношений в целом. Сборник – плод совместной работы видных ученых и дипломатов, представляющих ведущие центры академического, образовательного и прикладного востоковедения. В своих статьях авторы демонстрируют всю палитру взглядов на феномен Арабского пробуждения, существующих в отечественном экспертном сообществе. В сборник также включена статья известного тунисского аналитика, Лажми Нури (научного сотрудника Института прессы и наук об информации), придающая работе особый колорит и, отчасти, взгляд на проблематику из беспокойного региона.

Издание открывает статья Виталия Вячеславовича Наумкина «Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения». Трудно недооценить вклад выдающегося востоковеда современности в развитие отечественной (советской / российской) и мировой арабистики. В.В. Наумкин – член корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения РАН (с 2009), заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Институт востоковедения в лице нового руководителя получил дополнительный импульс в своем развитии. Это коснулось не только рутинных изменений, но и научного ренессанса.

К 60-летию В.В. Наумкина был издан сборник научных статей, посвященных автору, в котором приведен более чем внушительный список научных трудов. Библиография исследований ученого на 2005 год занимает 40 – 64 страницы указанного сочинения [2].

Каждая из работ В.В. Наумкина уникальна и научно целесообразна. Для обзорного знакомства с его деятельностью рекомендуем избранные главы из книг, статьи, очерки, доклады и выступления профессора, доктора исторических наук В.В. Наумкина, написанные в разные годы на протяжении четырех десятилетий его научной и педагогической деятельности, объединенные в издании «Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет» [3].

Ученики и последователи В.В. Наумкина трудятся в Российской Федерации, ближнем и дальнем зарубежье. В Симферополе, в Крыму, на юге Украины, формируется школа востоковедов, под руководством профессора Сергея Стефановича

Щевелева, которая продолжает традиции советского и российского востоковедения, являясь генетическим продолжением научной мысли В.В. Наумкина. Без педагогической стороны деятельности В.В. Наумкина было бы возможно появление коллективной монографии «История Палестины: международный аспект (1897-2009 гг.)», представляющей собой комплексное научное исследование различных аспектов истории палестинских земель в хронологическом отрезке от окончания османского владычества в регионе до современности и вызвавшее неоднозначные оценки украинских исследователей [4].

Так, украинский учёный Вячеслав Лихачев относительно формирующейся школы востоковедения под руководством профессора С. – С. Щевелева отмечает: «следует скорее говорить, что в Крыму продолжает существовать советская школа ближневосточных исследований (по совместительству – антисионистская пропаганда), нежели заявлять о становлении на юге Украины принципиально новой и оригинальной современной научной школы», однако, справедливости ради, хочется отметить, что тот же автор не отрицает того, что «рецензируемое (им – вставка наша). издание (история Палестины – вставка наша). ... следует рассматривать как важное, а в русскоязычном пространстве – практически уникальное по всеохватности введение в проблематику, незаменимое для студентов и небесполезное для всех интересующихся» [5]. Таким образом, многогранная деятельность В.В. Наумкина имеет целый ряд измерений, в том числе в виде деятельности его учеников и последователей.

По праву презентуя сборник «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?», В. В. Наумкин отмечает: «Предлагаемый читателю сборник включает в себя статьи российских исследователей различных специальностей, предпринявших попытку осмыслить события столь неожиданно начавшегося и все еще продолжающегося Арабского пробуждения, или «арабской весны». Он открывается статьей выдающегося знатока Ближнего Востока и крупнейшего отечественного политического и общественного деятеля академика Е.М. Примакова о ближневосточном курсе России, которая дает ключ к пониманию идущих в регионе процессов и отношения к ним нашей страны» [1, 3].

Среди авторов сборника рецензенты особо отмечают: М. Ф. Видясову, без исследований которой невозможен взгляд российского образованного человека на Тунис, А.З. Егорина – египтоведа современности, палестиноведов и арабистов – Г. Г. Косача и Е. – С. Мелкумян. Их узкоаспектные статьи создают калейдоскоп исследований, образующих единую картину (насколько применимо это словосочетание) арабского мира.

Структурно статьи рецензируемого нами сборника сгруппированы в четыре раздела – «Трансформация региона», «Арабские государства в 2011–2012 году», «Региональные и внешние факторы», «Арабское пробуждение и Россия». Это презентабельное внешне издание в твердом переплете с соответствующим эстетическим оформлением в зеленых тонах, обтекающих фоном фото протестных выступлений, символично передает восприятие современного арабского мира – бушующего моря модернизированного (но не вестернизированного) исламского мира.

Выход в свет этих научных изысканий – это пища во время, духовная пища. Информация к размышлению, прежде всего, для российской политической элиты.

Как справедливо отметил Е. М. Примаков в статье «Ближневосточный курс России: исторические этапы»: этот регион «... исторически считается «подбрюшьем» России. Хотел бы подчеркнуть эту мысль также в связи с «недоумением» ряда американских политиков, да и некоторых наших политологов, по поводу активной позиции современной России в отношении тех или иных событий в ближневосточном регионе. Можно считать, что российский интерес к ним сопоставим с интересом США к развитию обстановки в Латинской Америке» [1, 21].

О том, что российская властная вертикаль нуждается в таких аналитических пробах арабского политического грунта свидетельствует выступление (тогда в качестве Президента РФ) премьер-министра Дмитрия Анатольевича Медведева, цитируемого известным международником Ириной Доновой Звягельской: «Не случайно в этом смысле оценка арабских событий, данная президентом Д.А. Медведевым. Выступая в феврале 2011 года во Владикавказе на заседании Национального антитеррористического комитета, он следующим образом оценил происходящее: «Посмотрите на ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке и в арабском мире... И вполне вероятно, что произойдут сложные события, включая приход фанатиков к власти. Это будет означать пожары на десятилетия и дальнейшее распространение экстремизма. Надо смотреть правде в глаза. Такой сценарий они и раньше готовили для нас, и тем более, сейчас будут пытаться его осуществлять» [1, 531].

Рецензентам тяжело комментировать высказывания ведущих российских политиков такого уровня особенно в моменты предвыборных забегов и тем более делать смелые параллели между современным арабским миром и Россией, дабы не скатиться в плоскость политических, а не научных умозаключений. Однако история, политическая история, и изучение современности, как и любые социальные науки, не может быть незаангажированной. Перед современной российской элитой стоят многие проблемы внутреннего развития РФ, схожие с арабским миром. Они актуальны и для нашего (Украины) северного соседа. И в цвете «арабской весны» можно проследить характерные для России структурные деформации общества. Приведем мысли В.В. Наумкина по данному поводу: «О причинах и особенностях этих событий много сказано и не меньше написано. «Арабская весна» смела одни, казавшиеся стабильными, ближневосточные режимы и раскачала другие» [1, 4]. И действительно, регион с устоявшимися монархическими и авторитарно-деспотическими режимами под демократическими фасадами вдруг пришел в действие и за этими фасадами обнажился целый комплекс проблем, о которых В. В. Наумкин справедливо заметил следующее: «В наборе причин, вызвавших столь масштабный протест, называют господство законсервировавшихся и загнивших авторитарных режимов, отсутствие гражданских свобод и социальных лифтов (все более болезненное для модернизированной части населения), увеличившийся разрыв в доходах между наиболее обеспеченной властной верхушкой и остальной частью населения, ставшую системным фактором коррупцию, бедность, слабость социальной политики. К этому можно добавить неэффективность управления, экономическую стагнацию, слабое развитие производительных сил при зависимости от нестабильных, но относительно доступных внешних источников накопления» [1, 4].

Однако скрытое или даже открытое стихийное недовольство необходимо организовать. В условиях информационного общества это можно сделать, используя как традиционные, так и нетрадиционные средства воздействия и «в ходе арабского пробуждения было использовано несколько и традиционных, и новых средств мобилизации, во-первых – мечети, где для совершения молитвы собираются огромные массы людей, а по пятницам читаются проповеди; во-вторых, уже почти ставшее традиционным средством телевидение, особенно – оказывающий огромное воздействие на аудиторию катарский канал «Аль-Джазира», в-третьих, такое общераспространенное средство коммуникации, как мобильные телефоны; наконец, в – четвертых, Интернет и социальные сети» [1, 5].

Говоря об арабской весне, невольно встает вопрос арабского единства, явления, на наш взгляд, спорного даже в социокультурной плоскости, не говоря уже о политическом измерении. Однако панарабизм, который имеет свои исторические корни и традиции видоизменился. Можно согласиться с мнением В.В. Наумкина: «Сегодня принято считать, что панарабизм изжил себя, что отчасти так, если говорить о светском национализме вроде насеризма или баасизма ... Однако можно утверждать, что в арабском мире фактически появился «новый панарабизм», который отличается от прежнего своими ценностями, установками и целями, но в такой же мере основан на общеарабской солидарности, которая, естественно, как и ранее, не означает транснационального консенсуса. Если прежний панарабизм основывался на националистических, левых и социалистических идеях, то панарабизм, родившийся в ходе «арабской весны», основан на идеях исламистских и, в гораздо меньшей степени, либеральных и демократических, имея при этом одновременно и националистическую окраску. И направлен активизм этого «панарабизма улицы» уже не против колониализма и Израиля, а против своих собственных авторитарных режимов (показателен такой беспрецедентный факт, как согласие значительной части арабских обществ на иностранную интервенцию в Ливии)» [1. с.5].

Возвращаясь к историческим параллелям современной России, постсоветского пространства и Арабского мира, хочется сказать, что вопрос ротации кадров, обновления политических элит актуален для переходных обществ постсоветских стран с их тоталитарным наследием, и для авторитарно-деспотических режимов арабского мира. В своей статье «Восприятие в России событий в арабском мире (на примере ситуации вокруг Сирии)», вошедшей в рецензируемый сборник, известный международник И. Д. Звягельская отмечает, что «жесткость российской политики по Сирии можно было объяснить также особенностями внутривосточной обстановки, периодом предвыборной борьбы. После парламентских выборов 2011 года в России развернулось движение за честные выборы и демократизацию политической системы» [1, с 537]. Российская власть, начиная с нулевых годов, в спектре цветных революций и цвете «арабской весны» видела прямую угрозу для себя, для стабильности в обществе для трансляции власти. Российское общество, как и арабский мир, думается, устало от застоя во властных кругах. В. В. Наумкин небезосновательно отмечает: «С самого начала Арабское пробуждение выглядело как вызов несменяемым президентам и премьер-министрам, семьям и кланам, монополизировавшим государственную власть и пытавшимся организовать её династическое продолже-

ние, отказавшись практически даже от внешних признаков политических систем – выборности, конкуренции различных политических сил ...» [1, 6].

В этой связи хочется отметить, что В. В. Наумкин перечисляя причины «арабской весны» вскрывает глубинные причины этого явления. Явления многоаспектного, имеющего множество характеристик. Справедливо отмечено, что говорить только об американском финансировании или о руке Запада безосновательно. Для любого выступления нужен горячий материал – нужны реально недовольные и уставшие от социальных деформаций общества. Рецензенты глубоко убеждены в социальной неоднородности протестного движения в арабских странах. Эта неоднородность прослеживалась и во время Оранжевой революции на Украине, и во время событий на Болотной площади в Москве. Банально объяснять подобные действия только финансовой стимуляцией США нельзя. Думается, что среди стоявших на Болотной, немалый процент составляла творческая интеллигенция и искренние патриоты, которые недовольны хотя бы минимальными темпами прироста экономики, или девальвацией лозунгов традиционных политических сил. В.В. Наумкин в этом ключе заметил: «В Сирии произошел раскол общества на сторонников режима и его противников, вступивших в острое противостояние. Триада баасистской идеологии – единство, свобода и социализм – потеряла свою привлекательность для немалой части населения, а монополия партии Баас на власть и её методы управления страной стали для этих людей неприемлемым анахронизмом. К этому надо добавить непропорциональное применение насилия со стороны властных структур государства. Однако ориентация оппозиционеров на модель вооруженного мятежа с целью безоговорочного свержения режима и их отказ от политического диалога при мощной внешней поддержке, в конечном счете, не оставляли Дамаску иного выбора, кроме силового подавления мятежников» [1, 7 – 8]. Рецензенты ещё не однократно будут возвращаться к находящимся в развитии событиям в Сирии, но прежде чем говорить конкретно о какой-то арабской стране хочется остановиться на общих для арабского мира причинах и тенденциях.

События «арабской весны» заставляют обратить внимание на демографический и гендерный фактор. Невольно вспоминаешь истматовские схемы советских учебников по истории с их темами по буржуазным революциям с их традиционными движущими силами. Итак, движущие силы арабской весны. «В самое сложное положение попала образованная молодежь (отмечает В.В. Наумкин – вставка наша), лишенная возможности найти себе применение. Именно эта самая динамичная и современная часть общества стала главной движущей силой и идеологом народных выступлений в Тунисе и Египте. Не беднейшие традиционные слои, привыкшие к своей бедности и неспособные сформулировать цели и задачи революции, а образованный класс вышел на авансцену наиболее развитых арабских государств, потянув за собой совершенно иные по социальным и культурным характеристикам группы и движения как у себя на родине, так и в соседних государствах» [1, 8].

События на Ближнем Востоке не могут и не должны не затрагивать Россию. Классик востоковедения, известный политик и, бесспорно, блестящий в прошлом министр иностранных дел Евгений Максимович Примаков в своей статье «Ближневосточный курс России: исторические этапы» обзорно освещает основные вехи рос-

сийской внешнеполитической линии в данном регионе. Первоначально со времени становления империи и «до первой мировой войны ближневосточный курс России фактически сводился к отношениям с Османской империей ...» [1, 22], справедливо заключает он. Проникновение на Ближний Восток происходило с далеких подступов, с южного подбрюшья России, и в этом вопросе особое значение отводится черноморско-кавказскому региону – воротам России на Ближний Восток. После декомпозиции Османской империи Советская Россия стала проводить диаметрально противоположный курс по отношению к кемалистской Турции, курс – на наш взгляд – совсем неоправданный и направленный не сколько на соблюдение своих интересов, сколько на нанесение урона странам Антанты. Академик Е. М. Примаков определяет следующие этапы Российской (Советской) заинтересованности на Ближнем Востоке: «В 20-е – 30-е годы ближневосточная политика Москвы формировалась главным образом под воздействием идеологических соображений. Государственная заинтересованность в развитии связи с арабскими странами – в большинстве своем в тот период колониями и полуколониями – сводилась к минимуму» [1, 22]. Таким образом, в довоенный период Советская Россия и Советский Союз имели в качестве внешнеполитических партнеров только Турецкую республику и Иран (до 1935 года Персию). Арабский мир в этот период еще только вступал в эпоху деколонизации, и говорить о странах региона как о самостоятельных акторах не приходится.

Вторая мировая война превратила международные отношения в мировую политику, в которой огромную роль играли вопросы идеологического характера. Не без идеологической затравки СССР втянулся в процесс деколонизации стран региона. «Активизация государственной политики СССР в арабском мире началась после окончания Второй мировой войны, когда рухнула веками создаваемая колониальная система» [1, 22] – чему советское руководство было довольно, думается, хотя бы из соображений того, что старые колониальные державы – Англия и Франция – традиционные соперники имперской России в регионе навсегда утратили свои позиции. Во взаимоотношениях с арабскими странами СССР всегда чувствовал элемент арабского национализма: «Серьезным препятствием на пути сближения СССР с арабскими революционными националистами стал их антикоммунизм. Он доводил до кровавых расправ с членами местных компартий, как это случилось и в Ираке, и в Судане....После смерти Насера – разве это не показатель роли личности в истории! – в арабском мире стали развиваться события, продемонстрировавшие несостоятельность идеологических одежд, в которые СССР облакал свой ближневосточный курс, и они были окончательно отброшены» [1, 24].

Ближневосточная периферия ощутила на себе всю остроту флангового противостояния СССР и США. Академик Е. М. Примаков справедливо замечает, что «во время холодной войны у СССР, по сути, не было иного выбора, как опереться в своей ближневосточной политике на революционно-националистические режимы, какими бы они ни были тяжелыми партнерами» [1, 25]. Эта линия, на наш взгляд, приобрела гротескные формы. Формируется она в годы правления Н.С. Хрущева, так как И. В. Сталин с настороженностью относился к арабскому национализму и орденов арабским лидерам не вручал.

Однако невзвешенная политика касалась в основном идеологических вопросов. Советской внешнеполитической линии нельзя отказать в прагматизме. СССР, в отличие от США, не стремился втягивать страны региона в военно-политическую орбиту и превращать в спутники. Академик Е. М. Примаков подчеркивает: «В отличие от США Советский Союз не стремился втянуть арабские страны в свой военно-политический блок – Варшавский договор. Более того, советское руководство ответило отказом Насеру, который после жесткого поражения в «Шестидневной войне» 1967 года поднял тему присоединения ОАР к Варшавскому договору в переговорах с председателем президиума Верховного совета СССР Подгорным в Каире. При этом Насер сослался на поддержку своего предложения президентом Сирии» [1, 26].

Были и другие признаки конструктивной политики СССР на Ближнем Востоке: «Еще одним отличием советского ближневосточного курса от политики США был тот неоспоримый факт, что и во время холодной войны и после нее СССР, а затем и Российская Федерация, никогда не использовали в своих интересах исламистов. Что касается США, то они задействовали исламистов, в том числе самых радикальных, против советских солдат в Афганистане. Такая безрассудная политика, кстати, способствовала трагедии 11 сентября 2001 года – после вывода советского контингента из Афганистана выпестованная не без американской помощи «Аль-Каида» во главе с Бен-Ладеном обрушилась теперь уже на Соединенные Штаты» [1, 26].

Девяностые годы стали геополитической трагедией для российского мира. Самороспуск СССР и утрата позиций по всем азимутам привели к тому, что геополитический вакуум стал заполняться в одностороннем порядке США и их союзниками. Незирая на заверения в партнерстве США продолжали проводить антироссийский внешнеполитический курс, в том числе и на Ближнем Востоке, где он был направлен на окончательное выдавливание ельцинской России. Сами же Штаты важное значение региона никогда не забывали и «экономический, политический и военный интерес США и их союзников к региону сохранился, хотя прямая антироссийская направленность такого интереса снизилась. Но не до минимума. Об этом свидетельствует, в том числе и проявляющееся стремление США расширить стратегическое значение Ближнего Востока за счет соседнего Центрально-Азиатского региона. Отчетливо вырисовывается такая закономерность: чем больше усилий прилагают США для укрепления своих позиций в той или иной бывшей среднеазиатской республике СССР, тем отчетливее проявляются осложнения отношений этой страны с Россией» [1, 27].

На наш взгляд, авторитетный исследователь, бесспорный знаток Ближнего Востока академик Е. М. Примаков противоречит себе, говоря, что «США и их союзники не были зачинщиками «арабской весны». Более того, свергнутые в Тунисе и в Египте Бен Али и Хосни Мубарак не могли не устраивать Вашингтон и НАТО в целом, так как они слыли борцами против терроризма и исламистов. Что говорить, и Россия имела с ними достаточно тесные отношения. Но коррумпированность режимов, их авторитарное нутро, замаскированное демократическими названиями отдельных властных структур, отсутствие свобод, безработица, особенно среди молодежи, диктат одного лица во всем и вся, – все это и породило революционную волну» [1, 28].

Да, основными факторами являются, бесспорно – отсутствие свобод, безработица, особенно среди молодежи, авторитарно-деспотические режимы...но и теорию управляемого хаоса, думается, не стоит отрицать и сбрасывать со счетов. Обветшавшие режимы Бен Али и Х. Мубарака слыли не сколько борцами против исламистов, сколько антиподами просоветским лидерам в стиле Г. А. Насера или Х. Асада. В том, что США стремятся переформатировать регион – сомнений нет. США использовали и используют исламистов в своих целях ...хотя это использование не надо приравнять к попыткам США привести исламистов к власти. Думается, что до конца этот аспект вряд ли концептуализирован самими американцами. В. В. Наумкин, солидаризируясь с Е. М. Примаковым, не склонен драматизировать ситуацию: «Некоторые российские аналитики рассматривают выход на политическую арену в арабском мире исламистов как результат некоего заговора Запада, прежде всего – США, что, на мой взгляд, не имеет серьезных оснований» [1, 13 – 14].

Вопрос остается открытым – США, действительно задействовали исламистов как инструмент своей политики на Большом Востоке и грань простого использования политического ислама в своих интересах, и помощь в воцарении этих режимов в регионе очень тонкая. И современные демократии отлично понимают опасность этой игры: «Сама идея «исламского демократического движения» представляется многим на Западе, да и на Ближнем Востоке, пугающей. Однако, как заключила весьма значительная часть западного истеблишмента и экспертного сообщества, обращение исламистов к демократическим ценностям для свержения секулярных диктаторских режимов стало не исключением, а правилом.... расчет американских аналитиков, поддерживающих и в какой-то мере инспирировавших исламистскую революцию, строился на концепции «электоральной исламской демократии» [1, 13].

Внешнеполитическая линия РФ на Ближнем Востоке тоже неоднозначно воспринимается в научном или в общероссийском обществе. Некоторые, как В. В. Наумкин, видят её достаточно оптимальной: «Взвешенная позиция России и Китая, поставивших во главу угла идею посредничества и понуждения сторон к национальному диалогу, дала режиму шанс на проведение реформ и остудила пыл тех, кто требовал немедленной смены режима Б. Асада под угрозой вооруженного вмешательства» – взгляд исследователя на сирийский узел противоречий. Сирийское направление ближневосточного вектора было самым горячим осенью 2013 года. Статья профессора И. Д. Звягельской «Восприятие в России событий в арабском мире (на примере ситуации вокруг Сирии)» позволяет проследить развитие конфликта в Сирии и его социально-информативную проекцию в России.

Действительно, государство, стремясь «...обеспечить поддержку российскому бизнесу на Арабском Востоке, сталкивается с нестабильностью, с уходом авторитарных и одиозных, но привычных партнеров, с перспективой нового передела энергетического и военного рынка, хотя новые лидеры в арабских государствах, скорее всего, будут заинтересованы в диверсификации связей и сохранении политических и деловых отношений с Россией» – отмечает Ирина Звягельская [1, 530].

Однако хочется заметить, что в диверсификации связей заинтересована и Россия, которая в этом плане не раз показывала негибкость и косность, ставя только на одних и тех же игроках, время которых истекло.

Ближневосточный регион интересен России не только как географически близко расположенный. Настолько близко, что Е. М. Примаков охарактеризовал его подбрюшьем России. Невзирая на важность региона вряд ли такую анатомическую характеристику дают ему рецензенты. Подбрюшьем России издавна была российская Средняя Азия, окрещенная американцами в Центральноазиатский регион. В этом направлении Россия ощутила не меньше болезненных уколов со стороны Запада и Китая, но воспринимаются они иначе в силу того, что сегодня это геополитическое захолустье. Ближний Восток всегда имел большую фокусировку и был центром интересов многих важных международных игроков, в чем-то показательной ареной внешнеполитических состязаний. В этом регионе пусть даже более отдаленном чем Центральная Азия задеваются болевые нервы современной России, точнее провоцируются и обнажаются ее внутренние слабости. Ставится под угрозу мнимое российское благополучие, построенное на сырьевой зависимости: «В данном случае обращает на себя внимание еще один важный элемент российской политики, который влиял и на интерпретацию событий в арабском мире. Это – энергетический фактор. Цены на нефть приобрели в последние годы особую значимость для РФ. Они сыграли важную роль в обеспечении внутривосточной стабильности, предоставляя возможность властям более или менее успешно бороться с бедностью, низкими зарплатами в госсекторе, в силовых структурах, с наиболее острыми социальными проблемами» [1, 532].

Ситуация на Ближнем Востоке стала моментом истины для России Владимира Путина. «Масштабное военное противостояние, ставшее результатом борьбы мятежников с режимами в Ливии и Сирии, заострило вопрос о легитимности, допустимости и условиях вмешательства во внутренние конфликты внерегиональных сил, в том числе с декларированной гуманитарной целью защитить гражданское население. Уроки Ливии поставили перед Россией достаточно много вопросов. Они были восприняты как свидетельство возросшего влияния военной силы и реализовавшейся тенденции к интервенционизму со стороны ряда стран Запада ...Зверская внесудебная расправа над Каддафи одной из групп повстанцев при прямом попустительстве, а то и соучастии европейских военных, никак не соответствовала декларированным идеалам демократии, свободы и справедливости» [1, 10].

О двойных стандартах мировой политики Запада Президент РФ В. В. Путин небезосновательно заявил ещё в мюнхенской речи 10 февраля 2007 года. В сентябре 2013 году стало ясно, что ответ на сирийскую провокацию Запада должен быть твердым, но неконфронтационным. Для российского имиджа ее внешнеполитическая линия по Сирии была дилеммой – либо уступить, возвратившись к положению 90-х, либо сказать «нет» и попытаться хотя бы примерить на себя роль СССР в регионе, послав «убийцы авианосцев», которые реально вряд ли (как ни прискорбно) смогли бы эффективно противостоять ВМФ США в Восточном Средиземноморье в открытом противостоянии. Однако демонстрация силы состоялась и имела важное, на наш взгляд, психологическое значение для режима В. В. Путина на фоне других вызовов, в том числе и на европейском направлении.

И. Д. Звягельская отмечает: «Помимо таких достаточно узко понимаемых задач, как сдерживание военных и военно-политических угроз, российская политика

на Ближнем Востоке была призвана стать маркером самостоятельности РФ на внешнеполитической арене, её способности проводить свой собственный независимый курс. Обсуждение судьбы Сирии в СБ ООН давало возможности МИД РФ продемонстрировать принципиальный подход к попыткам внешних игроков воздействовать на ситуацию, подчеркнуть значимость российской позиции в международных делах» [1, 537].

Этот «маркер самостоятельности» не только от стран Запада, но и от других акторов. В российском обществе появился миф, что позиция России в арабской весне однозначно проарабская...но это не так. Например, по Сирии она идет в разрез с линией аравийских монархий. В. В. Наумкин заметил: «Кстати, самый необычайно высокий уровень враждебности к баасистскому режиму Дамаска со стороны правителей суннитских аравийских монархий, вовсе не являющих миру эталоны демократии, в значительной мере объясняется не только тем, что у руководства страной фактически стояли представители не совсем точно причисляемой к шиитскому толку ислама секты алавитов, но и тем, что он всегда рассматривался как главная опора в арабском мире их основного шиитского соперника – Ирана» [1, 10 – 11].

О том, что сирийская проблема затрагивает не только США, Россию, арабские страны, но и Иран в унисон твердят ведущие специалисты. Вот чем определяет враждебность к Дамаску со стороны аравийских монархий И. Д. Звягельская: «Жесткость позиции Саудовской Аравии, Катара и ОАЭ и их желание покончить с алавитским режимом Б. Асада определялись, судя по всему, более широким контекстом их противостояния с шиитским Ираном. После того, как военная машина Ирака была разрушена, и он перестал быть контрбалансом, Иран стал проводить более раскованную политику на Ближнем Востоке» [1, 536].

Этот баланс сил на Ближнем Востоке был нарушен США в 90-е годы XX века. Е. М. Примаков подтверждает эту мысль: «В результате американской интервенции, разрушившей Ирак как противовес Ирану, произошло основное изменение в шиитско-суннитском балансе сил. Региональной державой стал шиитский Иран, активизировались шиитские меньшинства в королевствах Персидского залива, в Йемене. Начали вырисовываться контуры «шиитского пояса» от Ирака через Иран, Сирию до Ливана, где демографическая динамика сказывается в пользу мусульман-шиитов. Сирия, возглавляемая алавитским меньшинством населения, рассматривается чуть ли не как важнейшее звено, без которого непрерывность «пояса» будет нарушена и он фактически существовать не сможет. Позиция ЛАГ по сирийской проблеме во многом связана с опасением Ирана, заметно усилившегося после интервенции США» [1, 27 – 28].

Итак, сирийская проблема – это ещё и проблема взаимоотношений Ирана с аравийскими монархиями и регионального лидерства, а также узел американо-иранских противоречий. По мнению Е. М. Примакова, «чётко обозначился и такой феномен: США рассматривают практически все события на Ближнем Востоке через призму борьбы против Ирана, который стал главной мишенью американской политики в регионе. Это тоже затрагивает Россию, так как, прежде всего, создается опасность серьезной дестабилизации на Ближнем Востоке и Центральной Азии.

Сказывается и то обстоятельство, что соседний с Россией Иран является её крупным торгово-экономическим партнером» [1, 27 – 28].

Внутрисирийские проблемы существенно осложняются дипломатической инвазией США и стран Запада – «...формирование в ноябре 2012 года в результате активной дипломатической деятельности Вашингтона объединения сирийских оппозиционных группировок (правда далеко не всех) в национальную коалицию оппозиционных и революционных сил (НКОРС) с быстро последовавшим за этим признанием его рядом государств в качестве единственного законного представителя сирийского народа показало, что целый ряд западных и региональных держав решили повторить в Сирии ливийский сценарий» [1, 11].

Этот сценарий однозначно не выгоден для России. Это и объясняет жесткую дипломатическую риторику России по сирийскому вопросу. Итак, «Российская политика в отношении Сирии, нацеленная на то, чтобы поставить препятствия на пути военного свержения режима Асада и обеспечения прихода к власти оппозиции при внешней поддержке была обусловлена следующими соображениями. Во-первых, повторение ливийского сценария превратило бы интервенцию в некое универсальное средство по устранению неугодных режимов и правителей. Во-вторых, РФ была против асимметричных подходов к правительству и оппозиции, которые могли бы изменить сложившийся баланс сил, дав военные преимущества одной из сторон, тем самым ослабив у нее всякое стремление к политическому решению. В-третьих, события в Сирии, в случае, если оппозиция с помощью военного давления и внешней поддержки добьется краха режима, могли бы иметь мощные деструктивные последствия для всего региона» [1, 534].

Москва высказывается за уважение суверенитета Сирии «...Россия выступала за диалог между лидерами оппозиции и Асадом без предварительных условий. Любые результаты – создание правительства национального единства, передача Асадом своих полномочий вице-президенту или иные сценарии – должны вырабатываться путем политических договоренностей без внешнего давления... В основе российской позиции лежат экспертные оценки тех опасных последствий, к которым ведет дальнейшая эскалация вооруженного противостояния в Сирии с учётом её особого геополитического положения в регионе и хрупких конфессиональных балансов, эти последствия, если не наладить внутрисирийский национальный диалог без внешнего вмешательства, затронут интересы всех – и России, и Европы, и Соединенных Штатов, и самих арабских государств» [1, 535 – 536].

Однако вопрос национального диалога, на наш взгляд, спорное политическое явление в сирийском приложении, потому что для национального диалога нужна политическая платформа. В условиях нарушения внутреннего баланса сил в вестернизированных странах это сложно достижимо без внешней помощи, именно помощи, а не иностранной инвазии. В этом ключе показателен пример Египта. Говоря о недавнем прошлом Египта, Е. М. Примаков отмечает роль армии – светского института...«несмотря на то что её командование, да и представители спецслужб несомненно голосовали не за Мурси, армия – это прежде всего заслуга народа Египта – не предприняла никаких действий, способных сорвать президентские выборы. Однако армия была на протяжении многих десятилетий основным игроком на полити-

ческом и экономическом поле. Согласится ли армия передать вновь избранному президенту реальную власть – это тоже покажет время» [1, 30].

Время показало, что армия вряд ли согласится передать власть исламистским силам, пусть даже пришедшим к власти легитимно. Вот уже М. Мурси, как и его незабываемый предшественник Х. Мубарак, в роли политического преступника. ««Арабская весна», безусловно, меняет арабский мир. Новым правителям, да и старым тоже труднее будет отказывать населению своих стран в насущных требованиях политического раскрепощения и улучшения социально-экономического положения, – отмечает Е. М. Примаков, – Общая ситуация на Ближнем Востоке требует, может быть, как никогда, объединения усилий всех заинтересованных стран в достижении безопасности и стабильности в регионе. Это, нужно думать, станет важным определителем ближневосточного курса России на данном этапе» [1, 30].

Однако российские СМИ и некоторые аналитические обозреватели на протяжении сентября 2013 года особенно представляли сирийское направление внешней политики России неоправданно приоритетным. Этот крен наметился еще с 2011 года: «Проявляется тенденция неоправданного завышения значимости ситуации вокруг Сирии для РФ. В принципе важный, но все же второстепенный по сравнению с другими векторами российской политики вопрос выдается за приоритетный, который будет определять взаимоотношения РФ и с её союзниками, и с Западом. Действительно, сирийская проблема имеет для РФ, помимо уже отмечавшихся озабоченностей, и инструментальное значение. Однако представлять ситуацию вокруг Сирии как главный вопрос, формирующий международную повестку дня, непродуктивно и опасно Так, президент Центра системного анализа и прогнозирования Р. Ищенко полагает, что сдав Асада без боя, «Россия поставит под угрозу все реализуемые проекты (Таможенный и Евроазиатский союзы, ШОС и ОДКБ), потому что грош им цена, если Россия не готова защищать их, в том числе с применением военной силы. Этим будет катастрофически ослаблено южное стратегическое направление и Россия окажется беззащитной...В общем, сдавая Сирию, Путин должен требовать гарантии безопасности после отстранения от власти не для Асада, а для себя...Даже если считать, что Обама окажется готов к прямому военному столкновению с Россией: что ж, если тебе угрожают войной – надо воевать»»[1, 538].

Конечно, сирийское направление ближневосточного вектора внешней политики РФ в СМИ неоправданно возводилось в ранг первостепенного, но и скептически относится к приведенному высказыванию Р. Ищенко, как это делает И. Д. Звягельская, думается, не стоит. Сирийский вопрос обнажает проблемы ближнего зарубежья – перевооружение Черноморского флота, эффективность и боеготовность которого еще в августе 2008 года во время пятидневной войны стала очевидно нужной, взаимоотношения с Украиной в контексте укрепления Таможенного Союза – это звенья одной цепи, которую выстраивает администрация Президента РФ В. В. Путина. Непокойное начало сирийской осени 2013 года, и предстоящий на излете осени ноябрьский саммит в Вильнюсе – испытания для российской власти, препятствия на пути к воссозданию сильной России. Из сирийской военной тревоги Российская дипломатия и власть в целом вышли достойно и конструктивно.

Эта оправдавшая себя линия наметилась еще в 2011 – 2012 годах, о чем высказывается И.Д. Звягельская, с которой мы в этом выводе, бесспорно, солидарны: «Контакты российских дипломатов с руководством Сирии и с сирийской оппозицией, их деятельность в ООН, обсуждение сирийского вопроса на самом высоком политическом уровне свидетельствуют о намерении России найти оптимальный выход из положения. Разумеется, это задача не только для РФ, но и для всего международного сообщества, для которого турбулентные события в арабском мире явились серьезным испытанием» [1, 539].

Осенью 2013 года Россия этот оптимальный выход нашла. Будет ли внешняя политика России столь же прагматичной и взвешенной в регионе, неконфронтационно жёсткой и одновременно открытой к диалогу с ведущими мировыми игроками, зависит от многих факторов, в том числе и от аналитических заметок ведущих специалистов-регионоведов, дающих конструктивные оценки и грамотные прогнозы, которые можно почерпнуть в статьях рецензируемого сборника, имеющего важную прикладную значимость.

Авторы надеются, что рецензия на статьи привлечет большое внимание научной и, прежде всего, политической общественности России, к изданию и сфокусирует действия российской дипломатии и власти в точке оптимальных действий РФ на Ближнем Востоке.

Литература

1. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с.
2. Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам и древняя Аравия: Сборник научных статей, посвященный 60-летию В.В.Наумкина / Сост. Седов А.В., Смилянская И. М.; Ин-т востоковедения; Факультет мировой политики; Институт стран Азии и Африки. М. 2005. – 412 с.: ил.
3. Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет. – М. – Н.Новгород: ИД «Медина», 2008. – 768 с.
4. Батенко А.В. История Палестины: международный аспект (1897 – 2009 гг.) / Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. / Под редакцией Щевелева С.С. – Симферополь – Киев: Доля, 2011. – 512 с.
5. Вячеслав Лихачёв. Рецензия: Батенко А., Близняков Р., Малышев Д., Щевелев С. История Палестины: Международный аспект (1897 – 2009гг.) / Под ред. – С. Щевелева. – Симферополь – Киев: Доля, 2011. – 512 с. // Judaica Ukrainica. – Vol. 1, 2012. – С. 429 – 433.

Першою спробою осмислити «Арабську весну», що почалася, стала збірка статей «Ближній Схід, Арабське пробудження і Росія: що далі?» У статтях видання, що рецензується, розглядаються масові протестні і повстанські рухи на арабському Сході в 2011 – 2012 роках, а також викликана ними корінна трансформація арабських суспільств. Ці метаморфози зачіпають інтереси не лише держав регіону, але і глобальних гравців, демонструючи нові тренди в світовій системі міжнародних відносин в цілому. Збірка – плід спільної роботи видних учених і дипломатів, що представляють провідні центри академічного, освітнього і прикладного сходознавства. У своїх статтях автори демонструють всю палітру поглядів на феномен Арабського пробудження, що існують у вітчизняному експертному співтоваристві. У збірку також включена стаття відомого туніського аналітика, Лажмі Нурі (наукового співробітника Інституту преси і наук про інформацію), що додає роботі особливий колорит і, частково, погляд на проблематику з неспокійного регіону.

Ключові слова: «Арабське пробудження», «Арабська весна», Ближній Схід, Російська Федерація. Персоналії: Дмитро Медведев, Віталій Наумкин, Євген Прімаков, Ірина Звягельська.

The first attempt to perceive the beginning Arab Spring was a collection of articles « The Middle East, Arab Awakening and Russia: What is Next»? In the articles of the reviewed edition mass protests and uprisings in the Arab countries in 2011 – 2012 as well as the fundamental changes of the Arab societies caused by them are examined. These transformations are affecting interests not only of the states of the region but also global players demonstrating new tendencies in the world system of international relations on the whole. The collection is the result of joint work of the prominent scientists and diplomats representing the leading centers of academic, educational and applied orientalism. In the articles the authors demonstrate all range of views existing in expert circles of this country on the phenomenon of the Arab Awakening. The article of the well-known Tunisian expert Lazhmi Nuri (the researcher at the Institute of Press and Information Sciences), is also included in the collection, giving to work a special flavour and, partially, representing the point of view on the range of problems in the turbulent region.

Key words: Arab Awakening, Arab Spring, The Middle East, The Russian Federation. Public and political figures: Dmitry Medvedev, Vitaly Naumkin, Evgeny Primakov, Irina Zvyagelskaya.

Поступила в редакцию 30.08.2013 г.